

Н. Рейтлингер

**Путеводитель по Ревелю и его
окрестностям**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 030
ББК 92
Н11

Н11 **Н. Рейтлингер**
Путеводитель по Ревелю и его окрестностям / Н. Рейтлингер – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 224 с.

ISBN 978-5-458-11611-4

Издад с французского, с дополнениями и изменениями Н. Р. (Н. И. Розанов).
При сем два вида Ревеля: рынок и монастырь.

ISBN 978-5-458-11611-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

которые не-рѣдко бывають въ Ревелѣ, посѣщаются во множествѣ ремесленниками. Эстляндскіе помѣщики — потомки тѣхъ рыцарей, которые завладѣли всѣмъ побережнымъ, еще идолопоклонствовавшимъ краемъ на южной и юговосточной части Балтійскаго моря, гдѣ нынѣ Пруссія и вся Остзейская область. Древнія фамиліи рыцарей сохранились; настоящіе владѣльцы болѣе ста лѣтъ служатъ въ Россіи на военномъ, родовомъ своемъ поприщѣ, и Ферзены, Игельштремы, Эссеи, Левенштерны, Тизенгаузены, Йксули, Буксгевденъ, Паткули, Пафены, Штакельберги, Унгерны-Штернберги, Бенкендорфы, Мейендорфы, Адлерберги; достойнымъ образомъ ввели фамильные свои гербы изъ Вышгородской каѳедральной церкви, въ древо родословія столпovaго Русскаго дворянства (*). Замѣчательно, что въ Эстляндіи и вообще въ Остзейскомъ краѣ, классъ помѣщиковъ не знаетъ, что такое, въ деревнѣ, *опускаться*; всѣ до глубокой старости, бодры, также внимательно поддерживаютъ себя дома, на покоѣ, какъ во время службы.

Остзейскій край былъ изстари Русскою отчиною. Онъ присоединенъ къ Россіи окончательно отъ Шведовъ при Петрѣ Великомъ, на другой годъ послѣ пораженія ихъ подъ Полтавою. Ревель сдался на капитуляцію и принялъ государеву власть въ 1710 году. Мудрый преобразователь Россіи любилъ этотъ край,

(*) По древнему обычаю рыцарей, родовые ихъ гербы висѣли по спѣхамъ въ Вышгородскомъ храмѣ.

находя въ немъ , какъ и въ сосѣднихъ Европейскихъ государствахъ , такое *жизне, обращеніе и такіе обычаи*, къ какимъ желалъ приучить свой народъ. Съ тѣхъ поръ Остзейцы преданы одинаково съ нами царствующей въ Россіи власти, чтутъ какъ и мы память великаго преобразователя, понимая, что приобрѣли они съ присоединеніемъ ихъ къ нашему государству. Однѣхъ изъ Эстляндскихъ помѣщиковъ до-нынѣ сохраняетъ , какъ вещь священную, пазку Петра Великаго, которую Государь наказалъ однажды его предка за медленное приготовленіе обѣда, когда утомленный работою Петръ спѣшилъ куда-то ѣхать. Но обѣдъ оказался въ полной мѣрѣ царскимъ, и Государь, желая вознаградить невинно потерпѣвшаго, спросилъ послѣ стола хозяина: чего онъ хочетъ? Помѣщикъ пожелалъ имѣть на-всегда ту самую пазку, и Государь тутъ-же ему подарилъ ее.

И одного благоговѣнія къ вѣковѣчной памяти Великаго уже достаточно, чтобъ придать интересъ всему, что относится до области, которая играла такую важную роль въ его исполинскихъ предначертаніяхъ о величіи и благѣ Россіи. Но Ревель имѣетъ еще и другую занимательность для каждаго Рускаго. Въ немъ и посредствомъ него, мы можемъ ознакомиться съ общимъ характеромъ нѣмецкихъ городовъ, основанныхъ въ старину особеннымъ отъ нашихъ и отъ другихъ новѣйшихъ городовъ, образомъ и существующихъ инымъ

обычаемъ, сколько любопытнымъ по своей оригинальности, столько же, а можетъ и болѣе—поучительнымъ для экономіи жизни въ наше время нервическаго такъ-сказать существованія.

Живя въ прошломъ году въ Ревелѣ, я убѣдился, какъ было-бы полезно заглядывать туда чаще нашимъ соотечественникамъ, и рѣшился издать по-русски описаніе этого города—г. Рейтлингера, со всѣми достопримѣчательностями окрестностей и подробностями быта, съ нѣкоторыми, впрочемъ, дополненіями и небольшими измѣненіями, надѣясь, что и заочное знакомство съ хорошимъ примѣромъ не останется безъ пользы. Моя книга уже готова и требуетъ посвященія. Кому-жъ посвятить ее?

Почтеннымъ соотечественникамъ, мелкопомѣстнымъ хозяевамъ, усерднымъ къ Богу, преданнымъ власти, послушнымъ начальству: такъ-какъ имъ не-на-что и некогда ѣздить за границу на воды и знакомиться съ иностраннымъ свѣтомъ, отличнымъ отъ нашего? — Но они любятъ не жертву смиренную, не приношенія въ духъ истины, а громкія восклицанія, пышныя удивленія. Можетъ-ли быть любопытно для нихъ скромное, правдивое описаніе тихаго, отстраненнаго отъ внутреннихъ ярмарокъ, Ревеля? Ревель — представитель трудолюбія разсчитаннаго, хозяйства соразмѣреннаго, помѣщеній только удобныхъ и скромныхъ, да кабинетныхъ занятій. Въ Ревелѣ даже въ лавочкахъ не тор-

гуются, не запрашиваютъ (*). Онъ не для общественныхъ парадовъ: обѣдовъ на три стола, вечеровъ до утра, гостей съ пятиминутными визитами, или съ недѣльными гощеніями, конюшенъ съ кенкетами; но кухней засоренныхъ, спальней растворенныхъ настежь, дѣтскихъ на антресоляхъ стѣна обѣ стѣну съ дѣвичьими, а залъ двухъэтажныхъ огромныхъ, гостинныхъ съ готическими пролетами и низенькихъ переднихъ съ запасными залавками и ремесленными челядинцамъ. Его наружность не блистательна: улицы узкія, изломаныя, строенія безвидныя, окна и высоки, и широки, и не по струнчкѣ; дома съ острыми, черепичными крышами, къ улицамъ задомъ, будто отъ нихъ отворачиваются. Старинныя стѣны съ башнями обнимаютъ, какъ пращуръ, рыцарскій Вышгородъ съ его торговымъ предмѣстіемъ — городомъ, посмѣваются изъ за бульваровъ, рововъ, бастіонъ.

(*) «*Торговля потышку любитъ*» говорятъ у насъ и запросъ при торговлѣ должно понимать иначе. Это привычное обыкновеніе имѣетъ основаніе не столько въ любостыжаніи, сколько въ торговомъ духѣ Русскаго народа. Одинъ все-бы съ выгодною продавалъ; другой все бы дешевое покупалъ на случай надобности. Торговцы изъшари привыкли, на вопросъ мимо-идущаго купца о цѣнѣ товара, объявляя какую вздумается, лишь-бы не ослабить его безъ отвѣта, въ предположеніи, что кто идетъ мимо лавки, тотъ хочетъ знать цѣну изъ любопытства. Поэтому-то, когда сходялся въ цѣнѣ, обыкновенно приговариваютъ: «*что дьяволъ*». У насъ до сихъ-поръ не отвыкаютъ отъ удовольствія гулять по лавкамъ и прицѣниваться къ товарамъ, и торговцы хорошо угадываютъ такихъ покупателей.

новъ, надъ временемъ, и собирая дань уваженія съ росписныхъ въ полу-французскомъ нарядѣ, предметѣй, говорятъ прохожему: « Я старина; не прикасайся ко мнѣ; » не ради и не бѣли меня; я лѣтопись народа, бѣсѣда, » повѣсть, жизнь духа его; одежда моя не мѣдъ позлащенная; языкъ не кимвалъ бряцающій, но глаголъ » времени; я воздаю честь каждому; урокъ мой и тебѣ » назидателенъ. Я лниная не опускаюся, ветшая не распадоуся; во мнѣ что старò, то старò; что новò, то » новò, и на моихъ плечахъ вѣка четырнадцатаго смѣшонъ нарядъ вѣка вашего девятнадцатаго. Если ты » меня не слушаешь — я отомщу, умоучу, не скажу » о тебѣ, и ты — мимо идохъ, и се не бѣ. » Въ Ревелѣ, въ комнатахъ съ улицы словно на улицѣ: кто хочетъ смотри и любуйся нѣмецкою опрятностію; при входахъ затворы валяж сѣни обширныя; жители ходятъ тихо, привѣтствуютъ другъ-друга важно, не зная кто что обѣдаетъ; у женщинъ безконечныя заботы: успѣть самимъ дѣтей поучить, взрослыхъ въ школу отпустить, побольше своего дѣла надѣлать, изъ лавокъ не набирать въ долгъ (*), расплачиваться по счетамъ, расходы сводить съ приходами и не бить челомъ чужимъ добромъ. Мелкопомѣстные хозяева еще не знаютъ, и даже не уважають той философіи, которая не проповѣдуетъ энциклопедическіе лексиконы и журнальные сборники, какъ догматы ума, но даетъ каждому масштабу его цир-

(*) У насъ въ долгъ не дать — не продать.

куль, порядокъ свѣденіямъ, нить ко взгляду, форму сужденію, руководствуетъ къ началамъ, — которая въ нравственномъ и общественномъ мірѣ показываетъ какъ термометръ, тепло или холодно, и какъ барометръ—сыро или сухо,—которая разлагаетъ узорчагую ткань общества какъ анатомическій трупъ, указываетъ органы общественныхъ явленій, вліаніе на нихъ духа времени и образованіе изъ нихъ этого всепоборающаго духа времени,—которая обнаруживаетъ единство всеобщаго закона въ безчисленныхъ измѣненіяхъ и въ нихъ—неизмѣнную одинаковость начала, — философіи, которая доказываетъ какъ дважды-два четыре, что во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, благо или зло зависитъ для каждаго отъ его *итого*, которая объясняетъ: отъ чего нашъ соотчичъ, потомокъ одного и тогожъ Славянина, на сѣверѣ — одинъ, въ степи — другой, на Дону — третій, на Кавказскомъ перешейкѣ — четвертый,—съ которою, прочитавъ исторію, знаютъ Русскаго Царя П е т р а, понимаютъ идею творческаго, вседержительнаго, едиподержавнаго самодержавія, и узнаютъ П е т р а въ образцахъ нашего времени,—философіи, съ которой не шушукать: если-бъ то-то и то-то, и у насъ былъ-бы тамъ — Парижъ, сямъ — Амстердамъ, индѣ — Гимъ, а кой-гдѣ — Лондонъ и своя Калькутта,—которая вразумляетъ, что мечъ при бедрѣ Главы виситъ въ страхъ злымъ, въ защиту добрымъ, научаетъ правоправить словомъ истины, своего не терять, чужаго не присвоить,

прокинаетъ словомъ Писанія, всякаго, кто творить дѣло Божіе съ небреженіемъ, и вѣрно разсчитываетъ, какъ богачъ по-природѣ изъ дохода своего теряетъ десятину на *лнь*, десятину на *незнаніе*, десятину на *безпечность*, десятину на *не-во-время* и *не-кстати*, десятину на *худую сноровку*, десятину на *не свое дѣло*, десятину на *не нашу тысячу рубль*, десятину на *переметность* и *погоню разомъ за десятью зайцями*, десятину на *лѣство*, *худой сводъ концовъ съ концами*, на *гасъ да вскакъ* и на *авось*, и десятину на *черезъ пень колоду валить*; а все отъ того, что не-многіе вникаютъ въ посланія Св. Павла Апостола, котораго и Персидскій Шахъ Надиръ, чтобъ понять какъ должно, велѣлъ перевести для себя по-Фарсійски. Мудрая, вдохновенная, миротворительная, зиждительная Философія, испосылающая спасительныя начала не въ многословныхъ изъясненіяхъ! Съ нею помѣстный вотчинникъ говоритъ подъ смертный часъ: «Друзья мои, дѣти мои! Остав-
 » ляя васъ и міръ, я не передаю вамъ любостяжатель-
 » ныхъ пріобрѣтеній; но вручаю то, чѣмъ благосло-
 » вилъ Богъ и пожаловалъ Государь моего дѣда, ваше-
 » го прадѣда, за его службу. Отецъ мой и я, тоже
 » служили, и служили не безъ воздаянія; что вы види-
 » те, чѣмъ владѣть будете—собрано, сбережено трудомъ
 » честнымъ: образа подъ убрусами были нашими напут-
 » ствіями по житейскому поприщу; старинные часы,
 » некрасивые, пересчитали жизнь нашихъ стариковъ,

• какъ досчитываютъ и мое изхожденіе; домъ построенъ
 • вашимъ праѣдомъ, увеличенъ дѣдомъ, передѣланъ
 • мною; вы родились, учились въ немъ; онъ для всѣхъ
 • помѣстителейъ, не красивъ, но полонъ хозяйствомъ
 • семейственнымъ. Вы живите въ немъ не гоноромъ,
 • не самохвальной и кичливой честию, но русскою,
 • почтенною честностію, и не стройте дворцовъ, не зная
 • еще ихъ кощовъ. Полученное мною отъ отца все
 • сбережено для васъ, приумножено. Я не тревожилъ
 • праха вѣчнаго покойника (*) въ незамѣтномъ скле-
 • пѣ подъ кирпичнымъ спудомъ, мудраго возстановителя
 • нашего земледѣлія, призавшаго на Россію Самозван-
 • цевъ и лишь умереннаго съ Россіей двухъ-вѣковымъ,
 • могильнымъ безмолвіемъ: изъ поселенъ земледѣльче-
 • скихъ ни одинъ не перечисленъ мною въ кабальное,
 • крѣпостное холопство дворовос; я тридцать лѣтъ ми-
 • ролюбно хозяйствовалъ, съ лѣсовъ не снималъ дѣдов-
 • ской заповѣди и словомъ не игрывалъ. Да будетъ
 • и межъ вами миролюбіе—не спорьте: споръ ведетъ къ
 • размолавкѣ, отъ нее близко до ссоры, а кто ссорится,
 • у того все остановится; вамъ жить надобно!.. Доброе
 • имя семейства берегите больше всего, и не вѣрьте,
 • кто-бъ ни сказалъ вамъ, что и безъ него доѣзжаютъ
 • до пожизненнаго покоя. Смерть грѣшника люта, и
 • его душа тяжело разстается съ тѣнной оболочкою;
 • стоны ея отгоняютъ и дѣтей отъ отца умирающаго:

(*) Борисъ Годуновъ.

» я бывалъ тому свидѣтелемъ! Жалобъ на меня вы
 » не услышите; при моемъ имени никто не улыбнется съ
 » самодовольствіемъ и не примолвитъ, что его спасъ
 » Богъ отъ дѣлъ сомною; послѣ меня вамъ не съ кѣмъ
 » разсчитываться. Моя работа кончена, кудель моя до-
 » прядека чисто; ваша еще начинается. Да будетъ надъ
 » вами Божіе благословеніе!..

Желалъ-бы я посвятить Путеводитель по Ревелю
 соотечественницамъ *« между нами сказать »* съ даро-
 ваніемъ отъ природы свѣтлымъ, чувствомъ добрымъ,
 духомъ бодрымъ, для старшихъ прислужливымъ, для рав-
 ныхъ услужливымъ, съ голосомъ звучнымъ, рѣчью
 переливнаго раската, и изъяснительнымъ, и разглашатель-
 нымъ, и поспѣшнымъ, и о себѣ заботливымъ даже при
 папенькахъ, маменькахъ, бабенькахъ! — Но онѣ любятъ
 не книги, а розказни; до чтеній небольшія охотницы;
 доѣхали по телеграфамъ до юной Французской словес-
 ности, и остановились на верхнихъ ноткахъ, руладахъ,
 солахъ, родныхъ съ небомъ и народомъ Италіи, но чу-
 жихъ для гранита непочатаго, мятелей съ морозами,
 лѣса заповѣднаго, для села съ тремя церквами, пашни
 за семь верстъ и валдайской музыки — не сродняющих-
 ся съ хороводною пѣснью, хорнымъ согласіемъ, съ гар-
 моніей русской природы. Прочтутъ-ли онѣ описаніе Ре-
 веля, во всемъ умѣреннаго, съ тихими поклонами, скром-
 ными изъясненіями; гдѣ семилѣтній ребенокъ идетъ
 одинехонекъ версты за три въ школу учиться, гдѣ все

въ домѣ хозяйкой приправлено, хозяйкой гостю представлено, и гдѣ на балахъ даже, только танцуютъ, разговариваютъ и не разряживаются?

И такъ, посвящу Путеводитель соотечественникамъ промышленнаго состоянія — потомкамъ того состоянія, изъ котораго выборные бывали всегдашними спутниками успѣховъ Русскаго оружія и духъ коего изстари развивалъ нашу землю, которые еще при Іоаннѣ III ѣздили по торговымъ дѣламъ въ Персію, Индію и бывали съ очей-на-очи съ великимъ моголомъ, теряли въ Кафѣ, нынѣшней Феодосіи, при взятіи Крыма Турками, на двѣнадцать милліоновъ флориновъ, вели въ старину торговлю, на переспоръ съ Англичанами, по западному берегу Каспійскаго моря и утратили въ Шамахѣ, при разграбленіи ея Лезгинами, на четыре милліона голландскихъ ефимковъ, при П е т р ѣ Великомъ путешествовали отъ Государя въ Персію и даѣе, заводили факторіи въ Амстердамѣ и были за-границей въ П е т р о в о м ѣ великомъ посольствѣ. Въ клубахъ потомковъ этихъ выборныхъ не расходится на сто тысячъ рублей въ годъ картъ игральныхъ — не географическихъ, отъ ихъ фабрикъ помѣстные крестьяне исправно выплачиваютъ свои оброки казкѣ и вотчинникамъ, и сами пробаваются. Надѣюсь, что они станутъ читать все въ этой книгѣ и ѣздить, вмѣсто за-границы, въ Ревель — тѣлу во здравіе, карману въ сбереженіе.